

ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ...

И ВОТ опять мы в беспокойном состоянии, как перед новым экзаменом. Да так оно и есть!

Как было совсем недавно хорошо: кончился сезон, и мы получили возможность увидеть настоящее небо над головой и настоящие, а не бутафорские листья на деревьях. Но когда первые блаженные дни отпуска прошли, я почувствовал, что внутри зарождается вот это самое беспокойное состояние. Нет, его навевали не тучи, которые с такой решительностью и постоянством заволакивали небо, и даже не непрерывный многодневный дождь — хотя это тоже, конечно, настроення не улучшало, — но мысли о предстоящем ответственном сезоне, сезоне нашего семидесятилетия. 70 лет! Я и оглянуться не успел, как вот уже половина этого срока прожил в Художественном театре! Свой юбилейный сезон мы открываем в Японии.

Вопреки погоде я стараюсь жить оптимальными категориями. И поэтому тревога рождения не опасениями, а чувством ответственности перед этим серьезным экзаменом. Скоро, скоро, думаю я, бродя по лесам, совсем скоро нам предстоит завести ногу

на трап самолета Москва—Токмо. И разве может не волновать мысль и о самом этом путешествии, и о предстоящих гастролях?! Ведь мы едем не просто показывать спектакли, мы еще раз должны продемонстрировать утвердившиеся принципы, на которых создавали наш театр Станиславский и Немирович-Данченко, и практическое развитие основ их методов вот уже несколькими поколениями их учеников и последователей. Показать, как много значит для нас открытое ими средство развития театрального искусства, средство проникновения во внутренний мир человека, основанное на научных критериях. Показать, что продолжается борьба, объявленная ими, борьба со штампами, убивающими живую душу искусства, с «простотой» — суррогатом правды, и сентиментальностью — подделкой под чувство.

Нужно ли повторять, что в деле воспитания молодежи роль театра — и, я смею утверждать, особенно Художественного театра — огромна. Художественный театр в этом деле во все эпохи своего развития играл первостепенную роль. Не меньшее влияние оказал он и на развитие мировой театральной культуры.

Мне довелось познакомиться с театральным образованием молодежи в социалистических странах. Побывал я в Американо-академической драматической академии, которая вырастила ряд виднейших артистов, таких, как Спенсер Треси, Лидия Гаш, и многих других. И всем им было свойственно стремление проникнуть в тайны метода Художественного театра.

Всеми признава роль Художественного театра в развитии мирового театрального искусства. И поэтому должно быть повято наше волнение и трепет перед выступлениями за рубежом. Конечно, трепет и волнение — это, так сказать, лирика, а вот ответственность — дело куда более серьезное.

Станиславский считал театрально искусство сильным средством международного сближения. Повиновение всего этого и делает для нас поездку в Японию такой волнующей. В Японии не только знают, но и любят Горького, Чехова, Гоголя, к их произведениям почти ежегодно обращаются японские театры, и имена многих выдающихся артистов этой страны связаны с русской драматургией. Какую же мы чувствуем ответственность и как же мы мобилизованы, чтобы достойно представить то, что составляет славу и гордость Художест-

венного театра. Тем более, что МХАТ едет в Японию не впервые — десять лет назад он уже побывал в этой стране. Им есть с чем сравнивать.

И вот я думаю, как воспримут они «Ревизора»? Для меня «Ревизор» в кедровой интерпретации является продолжением и развитием приема гротеска, основанного на художественной правде, — того, что начал Станиславский в «Горячем сердце». Как же расценил японские зрители необыкновенную для МХАТа, написанную как бы масляными красками оболочку, которая выдает и подчеркивает внутренний мир заскорузлого чиновничьего быта «грустной России»? Мне кажется, что они больше привыкли к тонким, психологическим переходам, к тому, что называется «мхатовскими тонами». А «Ревизор» даже нам самим представляется смелой гиперболой этих самых тонких психологических переходов. Как будет воспринята наша мхатовская лепка округлых голговетских фраз?

Мы ведь знаем, что японские зрители почти скрупулезно следили за текстом Горького и Чехова. Наши товарищи, побывавшие в Японии, с уважительным удивлением рассказывали, что в зрительном зале множество людей сидели, как с партитурами, с томиком произведений этих писателей в руках и сверяли напечатанное с произносимым. Какая провикновенная пылкость!

Эстетическое восприятие жизни

свойство всем народам. В этом тоже источник сближения. И этот эстетический уровень неуклонно растет. Недаром еще Гюго заметил, что прежде поэт говорил: «публика», теперь он говорит: «народ». Японцам это свойственно в высшей мере. Они могут восторгаться оторванным от скалы камнем, часами наблюдать, как в разное время солнце по-разному освещает его грани.

«На дне» — репертуарная пьеса в японском театре. Японские русофилы сидели на мхатовских спектаклях во время гастролей 1958 года, как истые почитатели и спешлисты с теми же томиком в руках. И тогда же этот спектакль был записан в Японии на пленку. В предстоящих гастролях в «На дне» выступает новая смена, новое поколение мхатовцев. Как-то воспримет требовательный японский зритель в их интерпретации этот классический мхатовский спектакль?!

Так же волнуют меня и «Три сестры», которым десять лет назад уже отдал тепло своего сердца японский зритель. На этот раз вместе со старыми, знакомыми исполнителями выступят и новые, и молодые. Я убежден, что японские зрители увидят в наших спектаклях творческую, сценическую правду, которой служит мхатовское искусство.

И наконец, «Кремлевские куранты». Этот спектакль во всех гастрольных выступлениях вызывал у нас наибольшее волнение. Мы

прислушивались к реакции на каждое слово. В Англии неподалеку от Букингемского дворца, в Королевском театре, да, да, звучал «Интернационал», звучали куранты Кремлевской башни, отсчитывавшие уже новое время, возмещающее «новые электрификации, новые мечтания, новые державия». И мы были горды тем, что с подмостков театра утверждали и ленинские идеи и наше мхатовское искусство. А в Нью-Йорке, в театре Сити-Сентр, зрительный зал, вмещавший свыше трех тысяч человек, не только с высоты ярусом, но и из первых рядов партера, занимаемых джентльменами и леди в ошеломляющих туалетах, мехах и драгоценностях — все вместе, стоял под звуки «Интернационала», аплодировал Московскому Художественному театру, ибо он был во власти его искусства.

Теперь и в Японии, в ответственный год своего семидесятилетнего существования, предстоит та же борьба за завоевание человеческих сердец.

Так будем помнить о нашей Родине, о чести советского искусства, об основателях Художественного театра. Присядем перед дорогой, и в дальний путь...

Б. ПЕТКЕР,
народный артист СССР.

3 стр. ИЗВЕСТИЯ

№ 207 (15906)